

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 008:001.8

doi: 10.20323/1813-145X-2022-1-124-184-194

Татьяна Семеновна Злотникова

доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
zlotnts@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

Эффект «бинокля перевернутого»: социокультурный дискурс советского бытия

Аннотация. В статье анализируются материалы социокультурного опроса, проведенного в 2020-2021 гг. в ходе работ по гранту Российского научного фонда «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность». Разработанная участниками проекта анкета посвящена выявлению разных аспектов советского бытия как его помнят и воспринимают жители современной России. Методология исследования: социокультурная и философско-антропологическая, экзистенциальная, эстетическая, представления о культуре повседневности. Выборка составила 300 человек — жителей более 20 крупных, средних и малых городов России, более 90 % ответов получены в основном на все вопросы.

В вопросах и ответах была актуализирована проблематика идеологическая (тоталитаризм, смысл понятий «советское» и «коллективизм» через факты, персоны, лозунги, аббревиатуры эпохи), повседневная (через предметы быта, жизнь родственников, житейские ситуации респондентов, воспоминания о семейных событиях и традициях) и эстетическая (через предпочтения в сфере культуры, выбор явлений разных видов искусства в качестве интересующих объектов, в частности, кино, литературы, живописи, архитектуры). Актуализирован феномен политического анекдота, который в советское время был и свидетельством эпохи и частью ментально детерминированной картины мира.

Проблематика вопросов не предполагала оценочной категоричности, использовался принцип междисциплинарного плюрализма. Во-первых, стала очевидна аберрация восприятия событий, которые в момент их актуальности представлялись значимыми и даже судьбоносными. Во-вторых, результаты — в плане разнообразия суждений, в тяготении к позитивным социально-философским оценкам прошлого — в основном совпали с ожиданиями исследователей.

Ключевые слова: Грант Российского научного фонда, советское бытие, социокультурный опрос, аспекты идеологический, повседневный, эстетический

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда (РНФ) № 20-68-46013

Для цитирования: Злотникова Т. С. Эффект «бинокля перевернутого»: социокультурный дискурс советского бытия // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1 (124). С. 184-194. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-1-124-184-194>.

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

Original article

Tatyana S. Zlotnikova

Doctor of art criticism, Honored worker of science of the Russian Federation, professor of the department of culturology, FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikan-skaya st., 108/1

zlotnts@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3481-0127>

**The effect of «inverted binoculars»:
the socio-cultural discourse of Soviet life**

Abstract. The article analyzes the materials of a socio-cultural survey conducted in 2020-2021 in the course of work under a grant from the Russian Science Foundation «Philosophical and anthropological analysis of Soviet life. Prerequisites, dynamics, influence on modernity». The questionnaire developed by the project participants was devoted to clarifying various aspects of Soviet life, as it is remembered and perceived by the inhabitants of modern Russia. Research methodology: socio-cultural and philosophical-anthropological, existential, aesthetic, ideas about the culture of everyday life. The sample consisted of 300 people-residents of more than 20 large, medium and small cities of Russia, more than 90 % of the answers were received mainly to all questions. In the questions and answers, the ideological problems were updated (totalitarianism, the meaning of the concepts «Soviet» and «collectivism» through facts, persons, slogans, abbreviations of the era), everyday (through everyday objects, the life of relatives, everyday situations of respondents, memories of family events and traditions) and aesthetic (through preferences in the field of culture, the choice of phenomena of different types of art as objects of interest, in particular, cinema, literature, painting, architecture). Such cultural phenomena as a political joke, which in Soviet times was both a testimony of the era and part of a mentally determined picture of the world, are actualized. The problematics of the issues did not assume an evaluative categoricity, the principle of interdisciplinary pluralism was used. Two aspects of the obtained results are characteristic. First, when analyzing the options chosen or proposed by the respondents during the answers, it became obvious that there was an aberration in the perception of events that at the time of their relevance seemed significant and even fateful. Secondly, the results-in terms of the diversity of judgments and the absence of bias, in the attraction to positive sociophilosophical assessments of the past-mostly coincided with the expectations of the researchers.

Keywords: Grant from the Russian Science Foundation, Soviet life, socio-cultural survey, ideological, everyday, aesthetic aspects

The study was carried out under the grant of the Russian science foundation (RSF) № 20-68-46013

For citation: Zlotnikova T. S. The effect of «inverted binoculars»: the socio-cultural discourse of Soviet life. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(1):184-194. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-1-124-184-194>.

Введение

Коллективные исследовательские проекты, реализуемые культурологами ЯГПУ им. К. Д. Ушинского на протяжении почти 20 лет, имеют такую специфическую особенность, как содержательная и методологическая бинарность. Много проведено работ, посвященных проблематике русской провинции, русского исторического города, творческой личности, массовой культуры, и почти каждая такая работа, наряду с теоретико-культурной и философско-антропологической методологией, включает в себя методологию социокультурную. Последняя же предполагает проведение социокультурных опросов, выявляющих

непосредственное восприятие жизненных реалий нашими современниками [Модель культуры ... , 2013; Массовая культура ... , 2016].

Именно в такой, бинарной, парадигме строится и проводимое с 2020 г. исследование (грант Российского научного фонда) «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность». Настоящая публикация входит в немалый номинативный ряд публикаций по названному гранту [Добрецова, 2020; Злотникова, 2020], но существенно отличается эмпирическим материалом, на котором построена.

Составив анкету, посвященную выяснению разных аспектов советского бытия как его понять и воспринимают жители современной России, участники гранта обратились за поддержкой в проведении опроса к ученым и преподавателям из разных городов (наша благодарность докторам наук Е. Я. Бурлиной (Самара), Л. А. Заксу (Екатеринбург), Г. П. Сидоровой и А. Ю. Тихоновой (Ульяновск), а также другим коллегам из Вологды, Кемерово, Мурманска, Хабаровска), а к подсчетам и оформлению количественных результатов привлекли ярославских коллег, которые работали в предыдущих проектах (наша благодарность О. В. Гороховой, А. А. Кузину).

Кратко остановимся на формальных параметрах опроса.

Основная выборка респондентов — совершеннолетние, в возрасте 18-80 лет. Из них приблизительно 2/3 — женщин и 1/3 мужчин, что можно объяснить особенностями профессиональной сферы, в которой велось анкетирование.

География мест жительства респондентов охватывает практически всю Россию, при этом от было собрано в Ярославле — 60 анкет, в Самаре — 54, в Екатеринбурге — 30, в Ульяновске — 22, в Хабаровске — 15, в Санкт-Петербурге — 14, в Перми — 12, в Москве — 11, в Чебоксарах — 11, а также в других крупных региональных центрах от Мурманска до Владивостока, в средних и малых городах.

Родом своих занятий респонденты указали как конкретные профессии и виды занятий (студент, преподаватель, педагог, артист, инженер, бухгалтер, библиотекарь, архитектор, экскурсовод, системный администратор, фармацевт), так и — шире — сферу деятельности, организации, в которых работают (образование, журналистика, дизайн, научная деятельность, торговля, туризм, малый бизнес, телевидение, транспорт, SMM). С точки зрения сведений о профессии ответы позволяют отнести участников опроса к «среднему классу».

Методология исследования

При составлении анкет и анализе полученных результатов участники работ по гранту опирались на следующие *методологические ориентиры*.

Проблематика государства как социального феномена, имеющего социально-историческую детерминанту в марксистской и, шире, тоталитарной парадигме, учитывается в связи с суждениями Г. Маркузе [Маркузе, 1994], К. Поппера [Поппер, 1992], а собственно проблематика тоталитаризма — в связи с суждениями Х. Арндт [Арндт, 1996], З. Бжезинского [Brzezinski, 1961]; учтены отсылки к современным политическим процессам, но в парадигме их наследования прошлому (У. Лакер [Лакер, 1920]).

Для многих исследователей, как отечественных (в том числе выходцев из СССР), так и зарубежных, принадлежащих к двум поколениям, младшее из которых сегодня уже приблизилось к возрасту в 70 лет или перешагнуло этот рубеж, особенности советского бытия в широком смысле — это комплексно решаемый вопрос о человеке, о его философско-антропологических, экзистенциальных, эстетических признаках и проявлениях. Отсюда немалый разброс во времени появления учитываемых исследований, от советского и раннего постсоветского периодов написания и публикации (П. Вайль и А. Генис [Вайль, Генис, 1998], И. Н. Голомшток [Голомшток, 1994], Б. Е. Гройс [Гройс, 1993], Е. А. Ермолин [Ермолин, 1996], А. А. Зиновьев [Зиновьев, 2020], М. П. Капустин [Капустин, 2020], Г. Л. Померанц [Померанц, 2020], Г. Л. Смирнов [Смирнов, 1971]) до начала XXI в. (Е. Я. Бурлина [Бурлина, 2019], Л. А. Закс [Закс, 2019], Т. С. Злотникова [Злотникова, 2014], С. А. Никольский [Никольский, 2017], А. В. Святославский [Святославский, 2016], Г. Л. Тульчинский [Тульчинский, 2018], М. А. Чегодаева [Чегодаева, 2003; Соцреалистический канон ... , 2000]).

Методологически значимыми являются и представления о человеке в культурно-антропологической и социокультурной парадигмах, особенно в контексте советской повседневности в ее обыденных и художественно-образных проявлениях (Т. И. Ерохина [Ерохина, 2020], Н. Н. Козлова [Козлова, 2005], Н. Б. Лебина [Лебина, 2015], И. Б. Орлов [Орлов, 2010], Л. А. Якушева [Якушева, 2016]). При этом совсем не велика доля методологически фундаментальных исследований, основанных на контек-

стуальном использовании социокультурной методологии (Ю. А. Левада [Левада, 2006], Ю. М. Резник [Резник, 2008]).

Результаты исследования: идеологический аспект

На вопрос о том, как вспоминается советское время, большая часть респондентов ответили, что «спокойно, как время обычных житейских планов, проблем, удач и неудач» (53,3 %). Многие вспоминают советское время с ностальгией — как время гармонии, дружеских и профессиональных контактов (43,3 %). Среди тех, кто воспринимает советское время с благодарностью как время большой радости, сбывшихся надежд, видим не только представителей возрастной группы 60+ — ностальгию испытывают и люди в возрасте до 25 лет (которые советское время не застали) и до 40 лет (которые застали советский период в юном возрасте). Помимо выбора ответов из предложенных в анкете, около 10 % респондентов дополнили список своими — позитивными и негативными — вариантами. Встречаются развернутые истории, затрагивающие подробности семейной жизни. Изредка звучат эмоциональные оценки восприятия советского времени («С радостью: я был моложе. С грустью: я был глупее»).

Одним из наиболее сложных и репрезентативных мы полагаем вопрос, помещенный в середину анкеты, дабы не привлекать особого внимания; он был связан с интерпретацией высказывания Х. Арендт о жертвах и палачах в условиях тоталитаризма.

Респондентами было приведено множество примеров. Помимо оценочных суждений, особенностью ответов на этот вопрос можно считать разделение ответов на две группы. К первой относятся упоминаемые респондентами сообщества, группы людей и организации, ко второй — отдельные персоны. Так, к категории жертв относятся (сохраняем лексику респондентов) *народ, репрессированные, научная и творческая интеллигенция, инакомыслящие, крестьяне, верующие, диссиденты, враги народа, на которых писались доносы и др.* Отдельные персоны-жертвы, неоднократно упоминаемые в ответах, — это убитые/репрессированные, впрочем, не только собственно жертвы, но и палачи, кото-

рые были впоследствии уничтожены системой: М. Тухачевский, В. Мейерхольд, А. Сахаров, А. Солженицын, О. Манделштам, Л. Троцкий, И. Бродский, Г. Ягода, Н. Гумилев, Н. Ежов, С. Королев, С. Михоэлс, Б. Пастернак, В. Шаламов, Г. Зиновьев, Н. Бухарин, Р. Нуреев, Л. Берия, С. Киров, д. Шостакович, Н. Хрущев, А. Таиров.

В качестве «палачей» в СССР, по мнению респондентов, выступали такие организации, сообщества и группы, как НКВД, КГБ, «доносчики», КПСС, госаппарат, власть, номенклатура, коммунисты, ОГПУ, руководители партии. Среди личностей, причисленных респондентами к «палачам», наиболее часто встречаются и те, кто другими респондентами был отнесен к жертвам: И. Сталин, Л. Берия, Н. Ежов, Г. Ягода, В. Ленин, Л. Троцкий, В. Блохин, Н. Хрущев, Ф. Держинский, Л. Брежнев.

Около 1/3 опрошенных не смогли (либо не захотели) назвать примеры, подтверждающие высказывание Х. Арендт. Это весьма существенный количественный показатель настроений выборки, свидетельствующий об отсутствии исторической памяти, аполитичности и равнодушия к исследуемому историческому периоду.

В вопросе о разных смыслах прилагательного «советский» респондентами были востребованы все предложенные в анкете варианты, имеющие и положительную, и отрицательную окраску. При этом однозначного (позитивного или негативного) восприятия в ответах выявлено не было. Наибольшее количество опрошенных слышат и используют слово «советский» в смысле «добротный, со знаком качества», «по ГОСТу» (64,7 %) или «старый, допотопный» (41 %). Единственный вариант, которого не было в списке, к тому же абсолютно нейтральный — это ряд ответов, характеризующих прилагательное «советский» как обозначающее принадлежность ко времени, эпохе, ушедшему периоду, определенному стилю жизни.

В анкете был предложен набор актуальных в разное время выражений/лозунгов, содержащих идеологическую поддержку советского образа жизни. Как наиболее характерные (хотя, возможно, просто лучше известные, запомнившиеся) респондентами были отмечены следующие варианты: «Партия сказала “надо”, комсомол от-

ветил “есть!”» (73 %), «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет!» (72,3 %), «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!» (54 %). При этом наиболее агрессивно звучавшие лозунги («Если враг не сдается, его уничтожат!», «То, что вы на свободе, не значит, что вы не виновны; это значит, что мы недостаточно хорошо работаем!») признали характерными всего 20 % респондентов. Кроме того, 18 % опрошенных дополнили предложенный список своими вариантами; здесь по несколько раз были упомянуты следующие: «Вперед, к победе коммунизма!»; «Даешь пятилетку за 3 (4) года!»; «Кто не работает, тот не ест!»; «Народ и партия едины!»; «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям!».

Нами получен репрезентативный опыт «вспоминания» и отбора лозунгов, действительно принадлежавших советской эпохе. Из жизненных практик, произведений искусства — это касается более молодой части выборки — у жителей современной России закрепился немалый запас советской лексики и, соответственно, смыслов.

Отвечая на вопрос о смысле советского коллективизма, наибольшее количество респондентов из предложенных вариантов выбрали приверженность общим нормам, ценностям (55,7 %), общность судьбы (34 %), результат политики коллективизации и отказа от частной собственности (32 %), результат массовой пропаганды (30 %). Среди предложенных в анкете вариантов было отмечено больше позитивных составляющих смысла советского коллективизма.

В анкете было предложено несколько вариантов «цепочек»: они составили ассоциативные ряды компонент, характерных для восприятия советского бытия. Выбор респондентов был, по преимуществу, таков: «идеология, цензура, репрессии, тоталитаризм» (51 %) и «патриотизм, коллективизм, государственность» (42,7 %). 5 % опрошенных дополнили предложенный список своими «цепочками».

В составленном респондентами рейтинге значимых событий, ставших содержанием советского бытия (список был предложен в анкете), определенно положительная оценка (от 58 % до 78 %) была дана таким событиям, как выход на экраны фильма «Броненосец Потемкин» 1925 г.,

XX съезд КПСС 1956 г., первый полет человека в космос 1961 г. и создание Ленинградского рок-клуба в 1981 г. Остальные перечисленные в вопросе события (политика «военного коммунизма», отправка философского парохода, коллективизация, репрессии) получили отрицательную оценку.

Небольшая часть респондентов (7 %) дополнила список своими вариантами. Это исторические процессы (раскулачивание, принудительное переселение, террор, датируемый широко — 1917-1953 гг., в том числе и прежде оценивавшиеся положительно ликбез после гражданской войны, борьба с безграмотностью и беспризорностью) и отдельные события (чернобыльская катастрофа, олимпиада 1980 г., ввод войск в Чехословакию в 1968 г., открытие театров «Современник», «БДТ», победа сборной СССР по хоккею).

При составлении анкеты исследователи сочли своего рода пограничным — находящимся между идеологическим и повседневным модусами — *политический анекдот*, который в советское время был и *свидетельством эпохи*, и *частью ментально детерминированной картины мира*. Мы просили респондентов записать запомнившиеся анекдоты советского времени или о советском времени.

Результат полагаем удивительным, свидетельствующим отчасти о своего рода культурном беспамятстве, отчасти о сохранившемся у представителей старшего и среднего поколений страхе перед открытым выражением политических предпочтений или нежелании эти предпочтения обнаруживать.

Из 300 респондентов 173 не привели примеров (а кто-то из оставшихся 127 человек, это 42 %, ответ дали, но — отрицательный, сообщив, что не помнят, не интересуются).

Из приведенных анекдотов наиболее яркие — «именные», с упоминанием конкретных государственных деятелей, остальные содержат критические, хотя далеко не всегда сатирические высказывания о ситуациях, политических и бытовых деталях обыденной, реже политической жизни.

Ответы респондентов можно условно разделить на 3 группы.

Первая группа анекдотов включает в себя только обозначение тематики, персонажей без цитирования самих анекдотов (про В. И. Чапаева и Петьку, Л. И. Брежнева и застой, Н. Хрущева и кукурузу, от армянского радио, про евреев, чукчей и др.). Во второй группе непосредственно приведены анекдоты про конкретных деятелей (реальных и вымышленных), про советские организации и ситуации, с ними связанные, а также про значимые события жизни в СССР (И. Сталин, В. Ленин, Л. Берия, Л. Брежнев, Н. Хрущев, М. Горбачев, Штирлиц, КГБ, Олимпиада-1980, частые похороны генеральных секретарей, колхозная жизнь). Третья группа содержит бытовые анекдоты, высмеивающие недостатки советского строя, при этом в основном без черного юмора и намека на отчаяние народа (дефицит, очереди, бессмысленные и несправедливые тюремные заключения, сравнения советских граждан с иностранцами, непонимание руководством страны современного искусства, предметы советского быта, советская пресса).

Таким образом, анекдоты можно считать своего рода «зеркалом» советского бытия, поскольку они проявили значимые аспекты последнего.

Результаты исследования: советское бытие в его повседневном аспекте

Отвечая на вопрос *о наличии у них дома каких-либо предметов советского быта*, большинство опрошенных (76 %) указали наличие таких; у 45 % респондентов эти предметы сегодня функционируют.

Список предметов «советского» быта можно условно разделить на две группы. К одной группе отнесем предметы или их сочетания, названные без упоминания характерных особенностей (посуда, книги, мебель, бытовые предметы, спортивный инвентарь, коллекции, памятные вещи — без указания конкретики, кухонная утварь, дорогие сердцу мелочи, даже «хлам квартирной хозяйки на антресолях»). Ко второй группе отнесем вполне конкретные предметы, имеющие определенные характеристики, вплоть до указания модели (холодильник «ЗИЛ», швейная машинка «Зингер», стереопроектор «Вега 117», бензопила «Дружба», каслинское литье, часы с кукушкой, железный паровозик).

Комментируя то, как предметы оказались в домашней обстановке, абсолютное большинство респондентов сообщает, что современными людьми советское наследие не приобреталось целенаправленно. Отмечена привычка использования таких больше по инерции, нежели по причине специального интереса к ним.

В вопросе, который (по умолчанию) был скоррелирован с другим, отнесенным нами к идеологической проблематике и содержавшим набор лозунгов советской эпохи (об этом сказано выше), респондентам предлагалось расшифровать слова/словосочетания/аббревиатуры, которые на этот раз были связаны с повседневной культурой разных периодов советской эпохи. Максимальное количество опрошенных правильно указали значение следующих слов и словосочетаний, достаточно сильно удаленных во времени: авоська (94,7 %), стилига (86,7 %), карточки (79,3 %) и ликбез (75,3 %). Наибольшее затруднение, в силу которого было дано минимальное количество верных ответов, вызвали следующие аббревиатуры: чсвн «член семьи врага народа» (26,3 %) и шкраб «школьный работник» (28,7 %). При этом 15 % опрошенных верно указали значение всех предложенных вариантов.

Как всегда следует позитивно оценить готовность респондентов ко взаимодействию, в силу чего даются свои варианты ответов, комментарии. Так, более 10 % респондентов привели свои примеры слов и словосочетаний советской эпохи. Таковы аббревиатуры — названия организаций изданий, сфер деятельности и политических событий/явлений и слова, и словосочетания, характерные для психоэмоциональной и социокультурной жизни советского периода (талоны, «на шаг ноги», «рыбный день», «влепить строгача», «в одни руки», «дают», сталинка, хрущевка, брежневка, фарцовщик, октябренок, пятилетка, сексот).

Немалые надежды исследователи возлагали на обсуждение с респондентами событий, оставшихся в личной (семейной, дружеской, профессиональной) памяти, — это не просто повседневность людей, живших или родившихся в советской стране, но эмоционально, в частности психологически значимые, социокультурно детерминированные коллизии. Действительно, мы

обнаружили, что *эпизоды из жизни семьи или знакомых в советское время* многочисленны, хотя в чем-то и сходны; их можно разделить на личные (семейные, бытовые) и общие, более масштабные, отражающие особенности жизни многих граждан.

К первой группе мы отнесли рассказы о семейных праздниках, традициях, получении жилья, покупке товаров, рождении детей. Отражая локальный, внутрисемейный характер, они не несут на себе отпечатка политического влияния.

Ко второй группе эпизодов, общих для людей разного возраста и разного места жительства, можно отнести множество упоминаний о Великой Отечественной войне и других социальных катаклизмах, о ситуациях, с ними связанных. Отличаясь нюансами, все рассказанные случаи создают контекст воспоминаний, связанных с потерей близких, голодом, лишениями, тяжелыми условиями жизни, подвигами и наградами старших родственников. Редко, но звучат воспоминания о неопикуемых ужасах: «Во время блокады Ленинграда знакомая семья моей бабушки сварила из своего ребенка холодец».

Неоднократно упоминались репрессированные и раскулаченные родственники (у кого-то была мама — сначала дочь соратника Ленина, потом, она же — дочь врага народа, во время ВОВ — эвакуация, возвращение с фронта раненых и контуженных родственников, послевоенные очереди за хлебом, позднее несостоявшаяся карьера у отца, пропустившего комсомольское собрание из-за хоккея). Упоминаются бытовые истории-детали, пришедшие к респондентам от представителей старших поколений (сковорода, оставленная на хранение в снегу у солдата, стоявшего в почетном карауле у Мавзолея, впервые купленный телевизор, талон на ковер, у многих — в разных формулировках — безденежье). Вспоминается респондентами общенародная помощь регионам, где происходили стихийные бедствия (Ташкент — 1966 г., Спитак — 1987 г.).

Вспоминание и забывание — процессы, как известно, не только подсознательные, но и вполне осознаваемые. Не раз видим упоминания о нежелании старших членов семьи вспоминать прошлое, даже о запретах на внимание к генеалогии, но — лишь однажды — с гордостью: «Ге-

неалогическое древо без пробелов с 1725 г.». Со всем немного реплик о памятных для разных поколений семейных традициях. К сожалению, в анкетах редко видим развернутые реплики о себе, но это — особенно ценно и показательно: «Историком я стала не без влияния отца — сына репрессированного. А неоднократно произносимое в семье магическое слово “НЭП”, возможно, определило мой интерес студентки и аспирантки к 1920-м гг.».

Таким образом, в воссоздании личной памяти о советском бытии выборка предьявила, по сути, историю страны через призму жизни разных семей, в разных регионах, от имени разных поколений. Приходится отметить грустную закономерность жизни страны, которая была СССР и стала Россией: лишь совсем немного позитивных воспоминаний, приятных и радостных историй и эпизодов (первомайские демонстрации, поездки «на картошку», в пионерские лагеря, комсомольская жизнь, то, что сопровождалось ощущением единения, дружбы и молодости).

Результаты исследования: советское бытие в его эстетическом аспекте

При проведении опроса мы полагали важным получить мнения респондентов относительно *популярности сфер социокультурной жизни и учреждений культуры* как воплощения принципов советского бытия.

По мнению респондентов, в советское время наиболее популярными были дома/дворцы культуры, кинотеатры, кино клубы и телевидение. Наименее популярными сочтены библиотеки и театры; такая пропорция суждений удивительна, если учесть утилитарную значимость библиотек как хранилищ и источника научных, учебных, справочных сведений, а также высокую популярность многих столичных и некоторых «периферийных» театров. Применительно к современной России максимальный рейтинг получили театры и спорт, а минимальный — все те же библиотеки и телевидение, подмена которых интернетом уже не вызывает сомнений.

Около 10 % опрошенных предложили свои варианты ответов: к советскому периоду были отнесены парки культуры и отдыха, музеи, дворы, цирк. В современном восприятии были предложены такие разнородные сферы, как интернет

и социальные сети, мечети и церкви, ночные клубы и бары.

В открытом вопросе, предполагавшем свободу выражения представлений респондентов, — о произведениях искусства, являющихся «зеркалом советского бытия», предложенные респондентами варианты условно можно разделить на три группы: 1 — кинематограф (лишь немного театр, музыка); 2 — литература; 3 — изобразительное искусство в разных его видах (живопись, архитектура, скульптура). Ответы отличаются высокой степенью информативности, полностью соответствуя предпочтениям, сложившимся в сфере массового сознания.

В первой группе максимальное количество респондентов указали такие популярные, представляющие лучшие в сфере массовой культуры фильмы, как «Москва слезам не верит», «Ирония судьбы, или с легким паром!», «Любовь и голуби», «Девчата», «Бриллиантовая рука», «Служебный роман», «Гараж», «12 стульев», «Летят журавли», «Операция Ы и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница», «А зори здесь тихие», «Офицеры». Правда, названы и полнометражные фильмы и сериалы, снятые в постсоветское время («Брат», «Ликвидация», «Стиляги»).

Из области литературы наиболее часто упоминаются произведения, известные разным поколениям по школьной программе (которая также есть значимая компонента массового сознания): М. Шолохов — «Поднятая целина», «Тихий Дон», «Судьба человека», А. Солженицын — «Архипелаг ГУЛАГ», «Один день Ивана Денисовича», Н. Островский «Как закалялась сталь», А. Платонов — «Котлован», А. Рыбаков — «Дети Арбата», М. Булгаков — «Мастер и Маргарита», В. Шаламов — «Колымские рассказы», В. Гроссман — «Жизнь и судьба», К. Симонов — «Живые и мертвые», М. Горький — «Мать», А. Фадеев — «Молодая гвардия».

Среди произведений изобразительного искусства безусловным лидером, воспринимаемым как «зеркало советского бытия», стала скульптура В. Мухиной «Рабочий и колхозница». Значительное количество опрошенных указали такие пограничные (внехудожественные) варианты явлений — часто без упоминания авторства, как ста-

линские высотки, ВДНХ, хрущевки, памятник «Родина-Мать», памятники Ленину, здание МГУ на Ленинских горах, мавзолей Ленина, сталинский ампи́р в архитектуре, гостиница «Космос», живописные и графические произведения — «Опять двойка» Ф. Решетникова, «Утро» Т. Яблонской, «Родина-Мать зовет!» И. Тоидзе.

Помимо произведений искусства, были упомянуты персоны без указания созданных ими произведений (А. Солженицын, А. Дейнека, В. Маяковский, Е. Вучетич, А. Пластов).

В ответах респондентов в основном упомянуты произведения, по сути, имеющие идеологическую доминанту, и совсем не фигурируют философские или лирические. Кроме того, в ответах ни разу не отмечены советские актеры и режиссеры, поэты-шестидесятники, почти нет упоминаний музыкальных произведений или балетных постановок. Здесь отчетливо прослеживаются клишированность и одномерность знания/понимания/вспоминания.

Дополнительный характер по отношению к вышеназванному вопросу о характерных произведениях советской эпохи имел *вопрос, посвященный советским фильмам, которые пересматривают респонденты.*

Наиболее популярными жанрами и вариантами (в сюжетном отношении) таких фильмов оказались комедии (80 %), детское кино (игровое и мультипликационное — 56 %) и мелодрамы (51 %). Документальное и историческое кино пересматривают 18 и 39 % соответственно. Среди мелодрам (не комментируем отнесение к этому жанру фильмов, традиционно считающихся комедиями) максимальное количество раз респонденты указали уже упоминавшиеся выше фильмы. Наиболее популярными оказались комедии Гайдая, Э. Рязанова, Г. Данелии, В. Меньшова, М. Захарова. Среди примеров исторического кино (в том числе назывались приключения, детективы) чаще других фигурировали «Приключения Шерлока Холмса», «Офицеры», «Место встречи изменить нельзя», «17 мгновений весны», «Александр Невский», «Гардемарины вперед!», «А зори здесь тихие», «Два капитана», «Война и мир», «Вечный зов», «В бой идут одни старики», «Они сражались за родину». В жанре документального кино оказались вос-

требуемыми «Обыкновенный фашизм», фильмы о войне, фильмы д. Вертова, «Жизнь в СССР от А до Я», но респонденты включали в этот круг экранизации классики («Гамлет») и то, что относится к историческому жанру («Освобождение»). Из детского кино наибольшее количество раз были отмечены, без различия, игровые и анимационные фильмы и фильмы-сказки, произведения о школьном детстве (в том числе с элементами фантастики).

Были также указаны фильмы А. Тарковского, Г. Козинцева, М. Захарова, А. Сокурова, названы жанры (фильм-опера, романтическое фэнтези, ужасы). Небольшое количество респондентов ограничились выражением общего позитивного отношения к советскому кинематографу в целом либо сообщили, что не пересматривают советское кино.

Резюме

Характеризуя полученные результаты социокультурного опроса, обращаем внимание на важнейшую, выявленную по ходу исследования закономерность. При анализе вариантов, выбранных респондентами в ходе ответов на разные вопросы, стала очевидна абберрация восприятия событий, которые в момент их актуальности представлялись значимыми и даже судьбоносными. По сути, при изучении взглядов, понимания, восприятия событий, явлений, персон советской эпохи мы получили «эффект» перевернутого бинокля, о котором писал в 1941 г. выдающийся представитель советской литературы, К. Симонов:

Словно смотришь в бинокль перевернутый —
Все, что сзади осталось, уменьшено...
Слишком много друзей не докличется
Повидавшее смерть поколение,
И обратно не все увеличится
В нашем горем испытанном зрении.

Проблематика вопросов и ожидания в отношении содержания ответов в нашей анкете ни в коем случае не предполагали оценочной категоричности, напротив, подбирая круг упоминаемых событий и персон, мы исходили из принципа социокультурного, философско-антропологического и психологического плюрализма. Результаты — в плане разнообразия суж-

дений и отсутствия предвзятости — в основном совпали с ожиданиями.

Библиографический список

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. Москва: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Бурлина Е. Я. «Советский век» в частных пространствах и глобальном времени // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4. С. 166-172.
- Вайль П. 60-е. Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. Москва: Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
- Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. Москва: Галарт, 1994. 296 с.
- Гройс Б. Е. Утопия и обмен. Москва: Знак, 1993. 380 с.
- Добрецова С. А. Исследовательская парадигма советского бытия: социокультурные и философские аспекты / С. А. Добрецова, В. М. Куимова, В. А. Тирахова // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5(116). С. 225-233.
- Ермолин Е. А. Материализация призрака: Тоталитарный театр советских массовых акций 1920-1930-х годов: монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 1996. 141 с.
- Ерохина Т. И. Героизация личности и быта в советской культуре начала XX в.: генезис и трансформация // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 147-155.
- Закс Л. А. Преодоление внутренней эмиграции в поэзии О. Мандельштама // Филологический класс. 2019. № 5. С. 34-43.
- Зиновьев А. А. Homosoveticus // Интернет-портал Zinoviev.ru. URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-homosoveticus.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).
- Злотникова Т. С. Имперское бессознательное — контекст творческого самосознания личности // Ярославский педагогический вестник. Том 2 (Гуманитарные науки). 2014. № 2. С. 213-217.
- Злотникова Т. С. Советское бытие как интегративный феномен: истоки, трансформация, художественные практики / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, А. В. Еремин // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 193-201.
- Капустин М. П. Культура и власть. Пути и судьбы русской интеллигенции в зеркале поэзии. URL: <http://capustin.narod.ru/culture/intro.htm#6> (дата обращения: 01.07.2020).
- Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. Москва: Европа, 2005. 544 с.
- Лакер У. Путинизм. Россия и ее будущее с западом // Электронная библиотека «Куб»: интернет-

портал. URL: <https://www.koob.ru/laqueur/putinism> (дата обращения: 01.07.2020).

Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии от военного коммунизма к большому стилю. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 258 с.

Левада Ю. А. Ищем человека. Москва : Новое изд-во, 2006. 384 с.

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. Москва : РЕФЛ-бук, 1994. 368 с.

Массовая культура: российский дискурс (методология изучения, актуальные практики) : коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. 644 с.

Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах : коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной, Н. Н. Летиной, М. В. Новикова. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. 292 с.

Никольский С. А. Империя и культура. Москва : Институт философии, 2017. 126 с.

Орлов И. Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. Москва : Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. 317 с.

Померанц Г. Л. Человек из ниоткуда // Интернет-портал Pomeranz.ru. URL: http://pomeranz.ru/p/pub_man_air.htm (дата обращения: 01.06.2020).

Поппер К. Свободное общество и его враги. Т. II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

Резник Ю. М. Социокультурный подход как методология исследования // Вопросы социальной теории. Том 2. 2008. № 1 (2). С. 305-328.

Святославский А. В. «Советский»: Реальность или симулякр? (о корреляции понятий «советский» / «русский» в аспекте культурной идентичности) // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 150-180.

Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. Москва : Издательство политической литературы, 1971. 376 с.

Соцреалистический канон : сборник статей / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. Москва : Акад. Проект, 2000. 1040 с.

Тулчинский Г. Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. Санкт-Петербург : Алетей, 2018. 294 с.

Чегодаева М. А. Социалистический реализм : Мифы и реальность. Москва : Захаров, 2003 (Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий). 214 с.

Якушева Л. А. Человек в очереди: социокультурная модель и артефакт // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 277-280.

Brzezinski Z. K. Totalitarian dictatorship and autocracy / Z. K. Brzezinski, C. J. Friedrich. New York : Frederick A. Praeger, 1961. 346 p.

Reference list

Arendt H. Istoki totalitarizma = The origins of totalitarianism. Moskva : CentrKom, 1996. 672 s.

Burlina E. Ja. «Sovetskij vek» v privatnyh prostranstvah i global'nom vremeni «Soviet Age» in private spaces and global time // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2019. № 4. S. 166-172.

Vajl' P. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka = The World of Soviet Man in 60 / P. Vajl', A. Genis. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 368 s.

Golomshtok I. N. Totalitarnoe iskusstvo = Totalitarian art. Moskva : Galart, 1994. 296 s.

Grojs B. E. Utopija i obmen = Utopia and exchange. Moskva : Znak, 1993. 380 s.

Dobrecova S. A. Issledovatel'skaja paradigma sovetskogo bytija: sociokul'turnye i filosofskie aspekty = Research paradigm of Soviet existence: socio-cultural and philosophical aspects / S. A. Dobrecova, V. M. Kuimova, V. A. Tirahova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 5 (116). S. 225-233.

Ermolin E. A. Materializacija prizraka: Totalitarnyj teatr sovetskih massovyh akcij 1920-1930-h godov = Materialization of the ghost: Totalitarian theater of Soviet mass actions of the 1920-1930s: monografija. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 1996. 141 s.

Erohina T. I. Geroizacija lichnosti i byta v sovetskoj kul'ture nachala HH v.: genezis i transformacija = Heroization of personality and life in Soviet culture of the early XX century: genesis and transformation // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 4 (115). S. 147-155.

Zaks L. A. Preodolenie vnutrennej jemigracii v poezii O. Mandel'shtama = Overcoming internal emigration in the poetry of O. Mandelshtam // Filologicheskij klass. 2019. № 5. S. 34-43.

Zinov'ev A. A. Homosoveticus // Internet-portal Zinoviev.ru. URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-homosoveticus.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).

Zlotnikova T. S. Imperskoe bessoznatel'noe — kontekst tvorcheskogo samosoznanija lichnosti = Imperial unconscious — the context of the creative self-consciousness of the person // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Tom 2 (Gumanitarnye nauki). 2014. № 2. S. 213-217.

Zlotnikova T. S. Sovetskoe bytie kak integrativnyj fenomen: istoki, transformacija, hudozhestvennye praktiki =

Soviet being as an integrative phenomenon: origins, transformation, artistic practices / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina, A. V. Eremin // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik*. 2020. № 5 (116). S. 193-201.

Kapustin M. P. Kul'tura i vlast'. Puti i sud'by russkoj intelligencii v zerkale poezii = Culture and power. The ways and destinies of the Russian intelligentsia in the mirror of poetry. URL: <http://capustin.narod.ru/culture/intro.htm#6> (data obrashhenija: 01.07.2020).

Kozlova N. N. Sovetskie ljudi. Sceny iz istorii = Soviet people. Scenes from history. Moskva : Evropa, 2005. 544 s.

Laker U. Putinizm. Rossiya i ee budushhee s zapadom = Putinism. Russia and its future with the West // *Jelektronnaja biblioteka «Kub»*: internet-portal. URL: <https://www.koob.ru/laqueur/putinism> (data obrashhenija: 01.07.2020).

Lebina N. B. Sovetskaja povsednevnost': normy i anomalii ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju = Soviet everyday life: norms and anomalies from military communism to a large style. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 258 s.

Levada Ju. A. Ishhem cheloveka = Looking for a man. Moskva : Novoe izd-vo, 2006. 384 s.

Markuze G. Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva = One-dimensional person. Study of the ideology of a developed industrial society. Moskva : REFL-buk, 1994. 368 s.

Massovaja kul'tura: rossijskij diskurs (metodologija izuchenija, aktual'nye praktiki) = Mass culture: Russian discourse (methodology of study, current practices): kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. 644 s.

Model' kul'tury russkoj provincii v autentichnom, istoriko-tipologičeskome i globalizacionnom diskursah = A model of the culture of the Russian province in authentic, historical, typological and globalization discourses: kollektivnaja monografija / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj, N. N. Letinoj, M. V. Novikova. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. 292 s.

Nikol'skij S. A. Imperija i kul'tura = Empire and culture. Moskva : Institut filosofii, 2017. 126 s.

Orlov I. B. Sovetskaja povsednevnost'. Istoričeskij i sociologičeskij aspekty stanovlenija = Soviet everyday

life. Historical and sociological aspects of formation. Moskva : Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta — Vysshej shkoly jekonomiki, 2010. 317 s.

Pomeranc G. L. Chelovek iz niotkuda = A man out of nowhere // Internet-portal Pomeranz.ru. URL: http://pomeranz.ru/p/pub_man_air.htm (data obrashhenija: 01.06.2020).

Popper K. Svobodnoe obshhestvo i ego vragi. T. II. Vremja lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly = Free society and its enemies. V. II. Time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles. Moskva : Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaja iniciativa», 1992. 528 s.

Reznik Ju. M. Sociokul'turnyj podhod kak metodologija issledovanija = Sociocultural approach as research methodology // *Voprosy social'noj teorii*. Tom 2. 2008. № 1 (2). S. 305-328.

Svjatoslavskij A. V. «Sovetskij»: Real'nost' ili simuljacr? (o korrekcii ponjatij «sovetskij»/ «russkij» v aspekte kul'turnoj identičnosti) = «Soviet»: Reality or simulation? (on the correlation of the concepts of «Soviet»/«Russian» in the aspect of cultural identity)// *Dialog so vremenem*. 2016. № 54. S. 150-180.

Smirnov G. L. Sovetskij chelovek. Formirovanie socialističeskogo tipa lichnosti = Soviet man. Formation of the socialist type of personality. Moskva : Izd-vo političeskoj literatury, 1971. 376 s.

Socialističeskij kanon = Socialist realistic canon: sbornik statej / pod obshh. red. H. Gjuntera, E. Dobrenko. Moskva : Akad. Proekt, 2000. 1040 s.

Tul'chinskij G. L. Političeskaja kul'tura Rossii: istočniki, uroki, perspektivy = Political culture of Russia: sources, lessons, prospects. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2018. 294 s.

Chegodaeva M. A. Socialističeskij realizm: Mify i real'nost' = Socialist realism: Myths and reality. Moskva : Zaharov, 2003 (Ekaterinburg : GIPP Ural. rabochij). 214 s.

Jakusheva L. A. Chelovek v ocheredi: sociokul'turnaja model' i artefakt = The person in line: sociocultural model and artifact // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik*. 2016. № 4. S. 277-280.

Brzezinski Z. K. Totalitarisn dictatorship and autocracy / Z. K. Brzezinski, C. J. Freidrich. New York : Frederick A. Praeger, 1961. 346 p.

Статья поступила в редакцию 24.11.2021; одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 13.01.2022.

The article was submitted on 24.11.2021; approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication on 13.01.2022.